

ка уголка имени Ф. И. Чудакова и в фонд издания его сочинений¹². Был ли во Владивостоке издан сборник произведений Чудакова, к сожалению, неизвестно. Но двумя годами позже эту же идею озвучил другой журналист, связанный газетной работой с Благовещенском, — Михаил Басов¹³. В статье «Ф. И. Чудаков» он не только дал высокую оценку дарованию амурского автора, но и высказал предложение собрать воедино всё написанное поэтом, «начиная с его мелких творений и кончая крупными»¹⁴.

В это время и Николай Шилов, и Евгений Кауфман¹⁵ уже жили и работали в эмигрантском Харбине. Но и там их не покидала идея собрать и издать сборник произведений талантливого друга. В одном из номеров газеты «Рупор» (изд. и ред. Е. С. Кауфман) было напечатано следующее обращение к читателям-благовещенцам: «13 марта исполняется 16 лет со дня смерти амурского поэта Фёдора Ивановича Чудакова. Готовится к выпуску в свет сборник его произведений. Редакция

нашей газеты обращается с просьбой ко всем благовещенцам, у которых имеется что-нибудь из напечатанных в своё время стихов покойного поэта или рассказов его, прислать в редакцию с надписью «Для сборника памяти Ф. И. Чудакова»»¹⁶.

Этой книге, по всей видимости, тоже не суждено было увидеть свет. Однако сочинения Фёдора Чудакова всё же появлялись на страницах харбинских изданий. Так, уже только в одном номере за 1930 г. журнала «Юный читатель Рубежа» (изд. Е. С. Кауфман)¹⁷ были помещены сразу четыре произведения Чудакова — прозаическое повествование «Удалой набег (Из дневника Ивана Грязнова)»¹⁸, стихотворения «Зая», «Тайга» и «Дождик». Тексты пронизаны любовью к природе и тонким пониманием детской психологии, юмором и серьёзной жизненной философией, их отличает необыкновенная лиричность и музыкальность, удивительная образность и живописность. Они и предлагаются вниманию читателей...

ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ЧУДАКОВА НА СТРАНИЦАХ ХАРБИНСКОГО ЖУРНАЛА «ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ РУБЕЖА»

УДАЛОЙ НАБЕГ

(Из дневника Ивана Грязнова)

В шалаше Пахомыча происходит что-то страшное. Можно подумать, что там имеют стоянку самые крупные тропические звери. Оттуда несётся и львиный рык, и змеиный свист, и пыхтение сердитого носорога.

Что там такое творится, в эту тёмную ночь? Уж и впрямь не жрут ли львы и носороги несчастного Пахомыча? Уж и впрямь, не происходит ли там звериный пир над останками старого охранителя яблонь и груш Буренчихина сада? Ой, какие грозные звуки! Ой, страшно!

Но Иван Грязнов, Ефим Козлов и Васька Бусин не боятся. О, даже наоборот! Эти страшные звуки вливают в них особую отвагу!

Ибо знают они, что весь этот звериный концерт производится одним, самым безобидным инструментом: Пахомычевым носом. Даже удивительно, как один нос может наделать столько шума. Правда, нос Пахомыча — нос не малый. Это про него говорится: «Ай да нос! Семерым Бог нёс, а одному достался». Но даже и семеро носов не всегда нашумят столько, сколько один Пахомычев.

А Ивану только этого и надо!

Ветра нет, а яблоня трясётся. Тишина стоит в воздухе, а трясётся, дрожит яблоня всеми ветками... Видит она, чует она, как ползут по земле лютые разбойники, ползут на животах отважные грабители, и трясутся от страха яблонины ветки, и дрожь передаётся всему саду, и дрожат сливы и груши, и дрожит ранет и антоновка, и вздрагивают ветки чёрного дерева...

Ветра нет, а дрожат и гнутся ветки аниса. Это Васька Бусин ползёт по стволу и срывает пахучие остро-сладкие яблоки и спускает их в мешок...

А Иван обрабатывает антоновку, а Ефим сидит на ранете, и все творят злое грабительское дело.

¹²Голос Родины. 1920. 25 марта. С. 3.

¹³Басов Михаил Михайлович (1898–1938) — журналист, редактор, руководитель книжного дела в Сибири, один из организаторов журнала «Сибирские огни» (1922) и Сибирской советской энциклопедии (1926). Родился в Тобольской губернии. С 1916 г. на журналистской работе в газетах Благовещенска. С 1921 г. жил в Новониколаевске (ныне Новосибирск).

¹⁴Сибирские огни. 1922. № 1.

¹⁵Кауфман Евгений Самойлович (1891–1971) — журналист, редактор, издатель. Родился в Петербурге. В 1908 г. окончил гимназию в Иркутске. С 1908 по 1913 находился в ссылке за революционную деятельность, состоял в партии социалистов-революционеров. В 1913–1918 гг. работал журналистом. Писал в газеты «Амурское эхо» (Благовещенск), «Тайга» (Зая-Пристань), «Сибирь» (Иркутск), «Сибирская жизнь» (Томск). С 1921 г. жил в Харбине.

¹⁶Рупор. 1935. 25 января.

¹⁷«Юный читатель Рубежа» (Харбин) — ежемесячный иллюстрированный журнал для детей среднего возраста. Выходил в 1930–1931 гг. как приложение к журналу «Рубеж».

¹⁸Фрагмент повести «Из детства Ивана Грязнова», печатавшаяся в «Дятле, беспартийном».

Спит Пахомыч. Спит, выделявая носом звериный концерт. Ах, зачем Буренчиха поднесла ему два стаканчика! Слаб и немощен Пахомыч. Спит он, и не чувствует его старое сердце, как опустошается сад. И Буренчиха спит. Наплясалась на помолвке Фени-племянницы и спит на своём пуховике, нежа восьмипудовое вдовье тело.

Ночь темна, но зорки разбойничьи глаза. Самые крупные яблоки с глухим шумом опускаются в мешки.

И пухнут мешки, наполняются. Грабёж идёт беспощадный.

Эх, не будем описывать его подробно. Нехорошее это дело! Не берите, о, дети, пример с Ивана. Будьте паничками!

Кончено. Разбойники стоят под антоновкой и совещаются. Им мало удачного грабежа. Им нужна ещё экстренная пакость над Пахомычем.

Отвернитесь, дети! Не смотрите, как Иван берёт длинную жердь и кладёт её поперёк входа в шалаш. Зажмурьте глаза, дети, не смотрите!

Вы ведь не видите? Вы не видите, как все трое бросаются на шалаш и продавливают его крышу, и на Пахомыча обрушивается старая солома, и он вскакивает и хочет выскочить из-под падающего шалаша, но запинается о жердь и падает головой в крапиву.

Вы не видите, дети, какой пук искр вылетает из глаз Пахомыча, а разбойники – уже далеко, они удирают низами к озеру, и хохочут, и пляшут, и кувыркаются...

Мешки стали тощие, зато животы переполнены и стучат, как барабаны. Больше есть никто не может. А осталось ещё много.

Военный совет. Решено: остатки яблок закопать под ветлой, а самим идти спать.

Роют яму. Пятернями отдирают дерн, роют яму, кладут в неё мешки и снова кроют дерном и лениво пляшут, чтобы примять.

Потом идут по домам.

Утром Иван идёт купаться. Уже во дворе он снимает с себя рубашку и штаны, берёт их под мышку и летит к речке. Но вдруг вспоминает о кладе под ветлой и сворачивает к нему.

Дьяконова свинья уже доедает последнюю ранетку. Доедает, хрюкая от наслаждения, и хмурит свои свиные бельма.

Иван от неожиданности врастает в землю.

– Ах, ты! – только и может крикнуть он.

Свинья, почувствовав опасность, пускается наутёк, но Иван бросается за ней, догоняет, хватается за хвост и старается остановить. Это трудно. Здоровая, проклятая! Иван тянет к себе всё сильнее, и свинья громко орёт и визжит, и дьяконов работник, несущий с реки два ведра воды на коромысле, грохает ведра оземь и с коромыслом наперевес мчится к Ивану.

– Ванька! Канай! – слышится голос Васьки, наблюдающего эту сцену из кустов лебеды.

Иван оборачивается и, видя близкое возмездие, бросает свиной хвост и летит к речке.

Дьяконов работник разряжает весь заряд словесности и долго грозит коромыслом беглецу. Потом возвращается, подымает ведра и снова идёт к реке.

День начинается...

1930. № 2. С. 4–5.

Зей¹

По заливам молчаливым, по весёлой звонкой гальке

Сеют золото ночами гномы – лунные лучи...

В тёмных кварцах, как крестьянка в трудовой заветной

талке,

Скупо прячут золотишки, блёстки лунной епанчи.

Сеют гномы золотишки торопливыми руками

И уходят, убегают, где-то прячутся в тени;

На заре приходят люди с остроносными кирками

И дробят немые кварцы и угрюмые кремни.

Светлых зёрен ищут люди, страстью жуткою влекомы,

И звучит в ударе каждый страх и радость, грусть и гнев.

И опять свершают молча свой таинственный посев.

В роковом круговороте золотые зёрна гномов

Ядовитыми цветами расцветут в сердцах людей...

Обаянье шумной славы, ужас пылок и погромов –

Принесут в подарок миру с тихих зейских отмелей.

И кривой кинжал убийцы, и священное Распятье

Безразлично покрывает позолоты крепкий слой...

Зей, Зей! Ты не слышишь эти стоны и проклятья

Иль нарочно заглушаешь их певучею волной?!

1930. № 2. С. 3.

¹Зей – самый большой приток с левой стороны Амура; в неё впадает горная река Селемджа. Зей судоходна во время всей навигации, только в низовьях песчаные отмели затрудняют судоходство. Весь бассейн Зеи богат золотыми россыпями. Многочисленные золотые прииска обслуживались правильным пароходством, доставлявшим провизию, инструменты и пассажиров. Зейский район являлся богатством всего края.

